

Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в.*

Алексей Ю. Карпинец^{a, b, @, ID}

^a Федеральное исследовательское учреждение СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр-т Советский, 18

^b Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ naukarpinets@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

Поступила в редакцию 29.08.2018. Принята к печати 17.10.2018.

Аннотация: Предметом статьи выступила сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в. Целью работы было представить сведения об основных органах местного крестьянского самоуправления в кабинетской и государственной деревне Кузбасского региона. Основной упор был сделан на Кузнецком округе как наиболее исследованном, в частности в результате ревизии Н. А. Ваганова в Алтайский округ в начале 1880-х гг. Методология исследования базировалась на основании классических принципов и методов исторических исследований. Среди принципов наиболее авторитетными выступили: историзм, научность, объективность. Среди задействованных методов главными стали: типологический, сравнительно-исторический, структурно-функциональный. В результате была раскрыта структура органов сельского управления крестьян, охарактеризованы функции членов сельской администрации, оценена эффективность их деятельности, определён уровень их жалования. В ходе проведённого исследования автор пришёл к выводу: несмотря на вполне справедливую критику деятельности органов крестьянского самоуправления, нельзя не учесть, что они играли важнейшую роль в сфере регионального общественного управления. Являясь низовыми звеньями административного аппарата, они способствовали налаживанию системы взаимосвязей между государственной властью и крестьянским населением, покоившейся на классических для российской государственности принципах этатизма и патернализма.

Ключевые слова: история Кузбасса, пореформенный период российской истории, Кузнецкий округ Томской губернии, сельская администрация Кузбасского региона, органы местного крестьянского самоуправления

Для цитирования: Карпинец А. Ю. Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 321–326. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-321-326>

Введение

Научное исследование деятельности сельских администраций пореформенного периода российской истории в последнее время набирает популярность среди сибирских историков. Кузбасский регион до сих пор не являлся территорией самостоятельного и полноценного научного исследования. Настоящая статья частично решает данную проблему. В обобщающих работах по истории Кузбасса соответствующая тематика не получила должного отражения; также в специальных научных трудах, посвящённых анализу деятельности сибирских сельских чиновников и выборных от крестьян Кузбасский регион не являлся объектом самостоятельного рассмотрения, в связи с чем представленный материал может быть использован как в образовательных, так и в научных целях. С целью

решения поставленной задачи были проработаны источники и литература, отражающие содержание исследовательской проблемы. Обработка и анализ статистических, нормативных и нарративных данных, содержащихся в работах Н. А. Ваганова, В. Волчкова, К. Ф. Краевского и др., в целом позволили произвести детальную характеристику органов местного крестьянского самоуправления и исполняемых ими функций, оценить эффективность их деятельности. Особо следует заметить, что под Кузбасским регионом мы понимаем территорию современного Кузбасса; под сельской администрацией – органы местного крестьянского самоуправления, сформированные в соответствии с ключевыми принципами крестьянской реформы 1861 г.

* Работа выполнена в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и инноваций. Проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв.» (№ 0352-2016-004).

Структура, функции, состав, материальное содержание органов сельской администрации

Сельское общество являлось низовым административным образованием и формировалось в значительной мере из крестьян одного села или деревни, а близлежащие засёлки, выселки и заимки по сложившейся практике к нему присоединялись¹. Общество как орган местного крестьянского самоуправления структурно состояло из трёх элементов: сход, староста и выборные (или нанятые) должностные лица (писари, сборщики податей, смотрители хлебозапасных магазинов, лесные и полевые сторожи и пр.). Сельский сход обладал основной распорядительной властью. На сходе обсуждались и решались практически все социально-экономические вопросы сельской жизни. Правом решающего голоса обладали все крестьяне-домохозяева, кроме пребывавших под следствием, судом и надзором общества. Решения обычно принимались консенсусом или простым большинством голосов. Во главе общества находился сельский староста, который обладал исполнительной властью. В его обязанности входили практическая реализация решений схода и вышестоящих инстанций, контроль своевременной уплаты податей и отработки повинностей, правильного расходования общественных денежных средств, наблюдение за целостностью межевых знаков, содержанием дорог и мостов, принятие необходимых мер для охраны порядка и безопасности и пр.²

Близлежащие сельские общества объединялись в границах волостей и в административном плане находились в подчинении волостных правлений. Органы местного крестьянского самоуправления волостного уровня представляли сход, правление во главе со старшиной и суд. Волостной сход состоял из выборных должностных лиц и крестьян. К выборным относились волостной старшина, его помощники, заседатели волостного правления, судьи волостного суда, сборщики податей и сельские старосты. Крестьяне на волостной сход избирались от каждого населённого пункта волости по одному от десяти дворов и должностными лицами не являлись. К компетенции волостного схода относились обсуждение основных проблем и принятие решений по широкому кругу вопросов волостного уровня. Среди таковых были выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда, назначение и раскладка мирских волостных сборов и повинностей и т. д. Одним словом, волостной сход

принимал постановления по всем общественным и хозяйственным вопросам своего порядка. Председательствовал на сходе старшина, на котором лежала ответственность за «сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния в волости»³. По должности старшина возглавляла волостное правление, состоявшее кроме него из его помощников, сборщиков податей и сельских старост⁴ (таблица⁵).

Избранные на должности волостных старшин, сельских старост и др. представители волостных и сельских администраций заводской деревни не всегда имели официально зафиксированное денежное жалование за службу, но обязательно вознаграждались за свою общественную деятельность освобождением от уплаты податей и несения натуральных повинностей. Вполне типичным иллюстративным примером может служить состояние органов сельского управления в Верхотомской волости Кузнецкого округа.

На момент её ревизии Н. А. Вагановым (1882) в должности волостного старшины с 1 января 1881 г. пребывал избранный волостным сходом на трёхлетний срок крестьянин д. Ягуновой А. О. Щеглов. С 1861 г. (!) должность волостного писаря здесь исполнял нарымский мещанин Ф. С. Максюков [1, с. 63]. Также Верхотомскую волостную администрацию составляли кандидат (заместитель) старшины, два заседателя – один по хозяйственной части, другой по полицейско-административной и судебной – и четверо судей. Никто из них формально жалования не получал, кроме писаря, которому выплачивалось 1,6 тыс. руб. ежегодно, значительная часть из которых расходовалась на содержание волостного правления. Оклад вышеперечисленных должностных лиц формировался, по всей видимости, именно из этой суммы. Официально определённого денежного содержания не имели общественные служащие Бачатской, Ильинской, Касминской, Мунгатской и Тарминской волостей Кузнецкого округа.

В отдельных кабинетских волостях оклад лиц волостной администрации был формально зафиксирован. К примеру, старшина Салаирской волости крестьянин А. В. Быков помимо освобождения от уплаты податей и отправления натуральных повинностей получал жалование размером 60 руб. в год. Зато жалование писаря здесь было несколько меньшего размера, чем обычно, и равнялось 1 тыс. руб. Другой пример: старшина Кузнецкой волости крестьянин с. Христорождественского, выпускник Кузнецкого

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1863. Т. 36. № 36657.

² Волчок В. Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М.: Типография М. Н. Лаврова, 1880. Гл. I. С. 1–27.

³ Там же. Гл. II. С. 28–57.

⁴ Волостной старшина, его права, обязанности и ответственность: сборник сведений, необходимых для чинов сельского самоуправления / сост. К. Ф. Краевский. М.: Типо-лит. Яковлевой, 1899. С. 9–12.

⁵ Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. II. Кузнецкий округ. С. 8, 15, 22, 28, 35, 42, 52, 72.

Таблица. Высшая сельская администрация волостного уровня кабинетского села Кузнецкого округа в хроносрезе на начало 1880-х гг.**Table. The highest rural administration of rural level in the imperial village of the Kuznetsk district in the early 1880s**

Волость	Резиденция волостного правления, с.	Справочная информация об исполнителях должности
Тарминская	Усть-Сосновское	Старшина: крестьянин Червев; писарь: Важенин (в должности с 1872 г. с ежегодным жалованием в 1,4 тыс. руб.)
Верхотомская	Усть-Искитимское	Старшина: крестьянин д. Ягуновой Щеглов Алексей Осипович; писарь: нарымский мещанин Максюков Фёдор Степанович (в должности с 1861 г. (!) с ежегодным жалованием в 1,6 тыс. руб.)
Мунгатская	Борисовское	Старшина: крестьянин д. Панфиловой Чернцов Иван Яковлевич; писарь: крестьянин с. Борисова Самсонов Василий Семёнович (в должности с 1870 г. с жалованием в 1,3 тыс. руб.)
Касминская	Брюхановское	Старшина: крестьянин д. Байкаимской Шумилов Иван Александрович; писарь: отставной канцелярский служитель Печёркин Пётр Фёдорович (в должности с 1876 г. с жалованием в 1,4 тыс. руб.)
Бачатская	Бачатское	Старшина: крестьянин д. Печёркиной Печёркин Наум Евстигнеевич; писарь: нарымский мещанин Сартаков Александр Данилович (в должности с 1874 г. с жалованием в 1,2 тыс. руб.)
Салаирская	Салаирское	Старшина: крестьянин Быков Андрей Васильевич (с жалованием в 60 руб.); писарь: крестьянин Иевлев Степан Самуилович (в должности с 1876 г. с ежегодным жалованием в 1 тыс. руб.)
Ильинская	Ильинское	Старшина: крестьянин д. Лучшевой Черепнов Алексей; писарь: крестьянин Верхотомской волости Щеглов Григорий Мартынович (в должности с 1882 г. с жалованием в 1,4 тыс. руб.)
Кузнецкая	Христорождественское	Старшина: крестьянин с. Христорождественского Поспелов Василий Григорьевич (с жалованием в 150 руб.); писарь: нарымский мещанин Сергеев Александр (в должности с 1882 г. с жалованием в 1 тыс. руб.)

приходского училища В. Г. Поспелов, помимо освобождения от податей и повинностей, зарабатывал 50 руб. ежегодно. Волостной писарь получал здесь также сравнительно немного – 1 тыс. руб. Наконец, избранный в 1881 г. старшиной Тутальской волости Томского округа неграмотный крестьянин д. Пятковой И. И. Кудрин получал ежегодно 169 руб., его кандидат – 56 руб. и два заседателя волостного правления – по 56 руб. в год⁶.

В государственной деревне жалование лиц сельских и волостных администраций зачастую было нормативно закреплено. В Ишимской волости старшина получал 60 руб., его кандидат и заседатели – 110 руб., судьи – 20 руб.; содержание волостного писаря и правления обходилось в 1850 руб. ежегодно. Из двадцати четырёх сельских старост волости десяти было положено содержание размером от 10 до 35 руб. В Баимской волости старшина получал

60 руб., на содержание писаря и правления полагалось 2 тыс. руб. В Почитанской волости старшине было положено ежегодное жалование в 150 руб., его помощникам – 300 руб., содержание писаря и правления обходилось в 2,3 тыс. руб. Из 22 старост волости 8 получали содержание от 10 до 40 руб. [2, с. 318, 345].

Таким образом, выплата служащим выборных органов местного самоуправления денежного довольствия была обязанностью крестьянского населения волости и обходилась ему в среднем от 1 до 3 тыс. руб. ежегодно. Должностным лицам предоставлялось право личной неприкосновенности, с целью их идентификации выдавались знаки отличия (рис.⁷).

Дискуссионным остаётся вопрос о степени самостоятельности органов местного крестьянского самоуправления в принятии решений и их практической реализации. Наблюдательные современники признавали её достаточно

⁶ Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. II. Кузнецкий округ. С. 8, 15, 22, 28, 35, 42, 52, 62, 72; Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. III. Томский округ. С. 27–28.

⁷ Должностные знаки Российской империи // Форум Фалеристика. Режим доступа: <https://forum.faleristika.info/viewforum.php?f=408&sid=877d754934addc0bd34530d9393409fd> (дата обращения: 03.06.2017).

низкой. Дело в том, что органы государственной власти, полицейские структуры оказывали существенное влияние на их деятельность. Представителями губернской власти на местах являлись окружной исправник, возглавлявший окружное полицейское управление, земские заседатели как органы полицейского надзора за обеспечением общественной безопасности, а также крестьянские начальники. Помимо всего прочего в обязанности перечисленных лиц входило наблюдение и контроль над функционированием органов местного управления.

Корреспондент газеты «Восточное обозрение», известной своим либерально-демократическим уклоном, в критической заметке, характеризуя особенности крестьянского самоуправления в Кузнецком округе, писал, что одним из насущных вопросов крестьянской жизни был вопрос о раскладке податей и повинностей. Он решался на съезде крестьянских выборных, т. е. волостных старшин, сельских старост, их помощников и рядовых крестьянских депутатов (гласников) по одному от каждого сельского общества. Председательствовал на съезде исправник или его помощник. За пару дней до события председатель собирал писарей, с которыми составлял итоговый проект

расписания повинностей по обществам и волостям. В день съезда на заседании проект, зачастую без предварительных слушаний, зачитывался, затем автоматически утверждался. Старшины, старосты и гласники выступали в данном случае в роли слушателей и статистов, и не более того⁸. На данном примере корреспондент демонстрировал формальность демократических процедур в работе органов местного управления, констатировал их полную подчинённость центральной власти, зависимость в принятии решений крестьянских избранников от губернской администрации.

Заключение

Положение старшин и старост было достаточно сложным и противоречивым, промежуточным между государственной властью и народом, так сказать, «промеж молотом и наковальней». С одной стороны, они были выборными от крестьян и, безусловно, представляли прежде всего их интересы; с другой – являлись проводниками губернской власти на местах. В упомянутом «Восточном обозрении» как органе периодической печати прогрессивно настроенной части сибирской интеллигенции, достаточно критично настроенной к региональным чиновникам, зачастую

Рис. Знаки отличия чинов сельской администрации: 1, 2 – знак волостного старшины; 3, 4 – знаки волостного заседателя и волостного судьи; 5, 6 – знаки сельского старосты
Fig. The insignia of the ranks of the village administration: 1, 2 – the sign of the volost foreman; 3, 4 – signs of the volost assessor and volost judge; 5, 6 – signs of the rural elder

⁸ Восточное обозрение. 1891. № 12. С. 7.

относили народных избранников к низшим чиновникам и нередко «покусывали» их, обвиняя в зависимости и коррумпированности. Приведём лишь одну из многочисленных критических выдержек со страниц газеты: «в настоящее время произволом власти пользуются в селах и деревнях [Мариинского округа] старшины, старосты и волостные и сельские писари, ... и вся эта клика, коей нет числа, старается, как говорит про нее народ, только рвать, рвать, рвать, во что бы то ни стало»⁹.

Сибирский публицист В. Ю. Григорьев на страницах журнала «Сибирские вопросы» заявлял: органы крестьянского самоуправления по своей сути являлись «низшими органами полицейской власти». В доказательство выдвинутого тезиса автор утверждал, что они предназначены, прежде всего, «для надобностей различных правительственных властей и лишь в очень ограниченной степени для самих крестьян», хотя существовали они за счёт специальных податей с крестьянского населения [3, с. 53]. В этой связи А. Т. Топчий сделал вывод о том, что административно-территориальные преобразования на селе, вызванные крестьянской реформой, в конечном итоге не принесли положительных результатов, напротив, способствовали усилению полицейского режима и повышению налогообложения. Реальное управление крестьянским населением, считал он, по-прежнему оставалось в руках казённых палат и полиции [4, с. 61].

Отдельной острой критике подвергались сельские и волостные писари. Дело в том, что старосты как выборные от крестьян часто были необразованными, тогда как писарь всегда был грамотен и имел особые отношения с представителями губернской администрации. Потенциально это могло служить поводом для злоупотреблений и превышения служебных полномочий. Поэтому писари не были в почёте у крестьян, которые относились к ним с опаской и недоверием [5, с. 16–17]. Знаток крестьянского населения Мариинского округа А. А. Кауфман неоднократно отмечал случаи коррупции волостных старшин и писарей, получавших значительные «откаты» при найме подрядчиков для отбывания земской гоньбы, ремонта дорог и пр., указывал на случаи мошенничества местных начальников, которые вдвойне завышали сумму сборов на волостные нужды [2, с. 315–316]. Всё это в конечном итоге способствовало удорожанию податей и повинностей и, как следствие, росту недоимок по налоговым платежам.

Несмотря на вполне справедливую критику деятельности органов крестьянского самоуправления, нельзя не учесть, что они играли важнейшую роль в сфере регионального общественного управления. Являясь низовыми звеньями административного аппарата, они способствовали налаживанию системы взаимосвязей между государственной властью и крестьянским населением, покоившейся на классических для российской государственности принципах этатизма и патернализма.

Литература

1. Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. 351 с.
2. Кауфман А. А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1892. Т. II. 397 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888–1898. Вып. 18.)
3. Григорьев В. Ю. Земство в Сибири и его местные особенности // Сибирские вопросы. 1905. № 1.
4. Топчий А. Т. Крестьянская реформа на государственных землях Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. 172 с.
5. Почеревин Е. В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 24 с.
6. Карпинец А. Ю., Морозов Н. М. Этатизм и колонизационная политика в Томской губернии (1906–1911) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 85–91.

⁹ Восточное обозрение. 1884. № 50. С. 7.

Rural Administration of the Kuznetsk Region by the End of the XIX Century*

Alexey Yu. Karpinets^{a, b, @, ID}

^a The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

^b Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ naukarpinets@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

Received 29.08.2018. Accepted 17.10.2018.

Abstract: The research features the rural administration of the Kuznetsk region in the end of the XIX century. The author understands the territory of modern Kuzbass as "The Kuznetsk region" and "rural administration" – as the bodies of local country government created according to the principles of peasant reform of 1861. The paper introduces data on the main bodies of local country government in the imperial and state village of the Kuznetsk region. The author focuses on the Kuznetsk district described in N. A. Vaganov's audit to the Altai district in the early 1880s. The analysis of the statistical, standard, and narrative data contained in the works by N. A. Vaganov, V. Volchkov, and K. T. Krayevsky provided a detailed characteristic of bodies of local country government, their functions, and efficiency. The Kuznetsk region remained largely understudied in this aspect; hence, the present material can be used in educational and scientific purposes. The author believes that, despite all their drawbacks, the local authorities played an important role in the sphere of regional public government. As local links in the chain of administrative facilities, they promoted the system of interrelations between the government and the country population, which was based upon the classical principles of statecraft and paternalism.

Keywords: history of Kuzbass, post-reform period of the Russian history, Kuznetsk district of the Tomsk province, rural administration of the Kuznetsk region, bodies of local country government

For citation: Karpinets A. Yu. Rural Administration of the Kuznetsk Region by the End of the XIX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 321–326. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-321-326>

References

1. Uskov I. Iu. *Kemerovo: city birth*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 351. (In Russ.)
2. Kaufman A. A. *Economic life of the state peasants of east part of the Tomsk district and northwest part of the Mariinsky district of the Tomsk province*. Saint-Petersburg: Tipografia V. Bezobrazova i komp., 1892, vol. II, 397. (Materials for studying of economic life of the state peasants and foreigners of Western Siberia. Saint-Petersburg, 1888–1898, iss. 18.) (In Russ.)
3. Grigorev V. Iu. Zemstvo in Siberia and its local features. *Sibirskie voprosy*, 1905, (1). (In Russ.)
4. Topchij A. T. *Peasant reform on government-controlled lands of Western Siberia*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1976, 172. (In Russ.)
5. Pocherevin E. V. *Local administrative and judicial system in the Altai district (the end of the 19th century – 1917)*. Diss. Cand. Hist. Sci. Abstr. Barnaul, 2013, 24. (In Russ.)
6. Karpinets A. Yu., Morozov N. M. Statism and colonization in Tomsk province 1906–1911. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (3): 85–91. (In Russ.)

* The research was conducted within the framework of the scientific program of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: XII.190.2 Historical development of Siberia within the Russian state: the role of traditions and innovations. Project: "Creation of an industrial base in the territory of the Kuzbass in the late XIX – first half of XX centuries" (No. 0352-2016-004).